И. Лазутин

Родник пробивает камни
(фрагмент)

ПРОЛОГ

Несчастье случилось в самый неожиданный момент, когда Саше Коробову, тринадцатилетнему светловолосому мальчугану, нужно было выходить на сцену. Это была предпоследняя, перед прогонами, репетиция спектакля. Стоя за тёмными кулисами, затаив дыхание, Саша с волнением ждал реплики: «Павлик!.. Павлик!..» Её произносил слесарь-инструментальщик Владимир Путинцев, исполнявший главную роль в спектакле – красногвардейца с завода Михельсона Александра Киреева, который в самый разгар штурма Кремля будет сражён юнкерской пулей.

Но в это время кто-то из рабочих сцены открыл люк. И ведь надумал, когда регулировать тяги поворота круга! Конечно, рабочий не рассчитывал, что через несколько секунд открытый люк окажется на пути Коробова, игравшего в спектакле мальчугана Павлика Андреева, сына кузнеца с завода Михельсона. В баррикадных боях на Остоженке Павлик Андреев вместе со взрослыми красногвардейцами-михельсоновцами дрался с юнкерами, засевшими в Московском Кремле.

Но вот наконец до Саши донесся голос Александра Киреева:

– Павлик!.. Павлик!..

Сжав кулаки, он кинулся из-за темных кулис на сцену…

Но что случилось?.. Почему Павлик так долго не появляется на баррикадах? Почему не видно его выгоревшей на солнце золотистой головёнки?

– Павлик!.. Павлик!.. Где ты, чёрт возьми, застрял?! – Голос режиссёра Корнея Карповича Брылёва, сидевшего за столиком между рядами кресел, гулко раздавался в пустом зале.

Действие спектакля приостановилось. Непривычные к таким грубым «накладкам», самодеятельные артисты застыли на своих местах.

Все ждали команды режиссёра.

– Где же он есть, пострел?! Вытолкните его скорее на сцену! – грохотал Брылёв, стоя со скрещёнными на груди руками посреди зала.

И вдруг в наступившей тишине все услышали слабенький, как писк, голос Саши Коробова:

– Я зде-е-сь… Я провали-и-и-лся…

Из люка Сашу вытащил Владимир Путинцев. Ему помогала суфлёрша Серафима Цезаревна, которая знала все ходы и выходы под полом сцены.

Стараясь не причинить мальчишке боли, Владимир осторожно, на руках, пронёс его через весь зал, спустился на первый этаж и бережно уложил на жёстком диване в кабинете директора. И пока он звонил в «скорую помощь», Саша смотрел на него глазами, в которых затаилась такая горечь и такая тоска, будто его навсегда разлучали с боевыми друзьями, с кем ему только что предстояло штурмом брать Кремль.

– Володя, как же Павлик-то?.. Как же без него-то?.. А в больнице… – всхлипывал Саша, – ведь там, поди, продержат не день и не два… А скоро «генералка»…

Саша даже мысли не допускал, что вместо него роль Павлика Андреева сможет сыграть кто-нибудь другой.

– Ничего, Сашок, не горюй, подлечишь ногу и будешь играть своего Павлика. Да так, что публика навзрыд заплачет, – успокаивал юного друга Владимир Путинцев. – У

тебя, наверное, даже не перелом, а чепуховая трещинка или просто растяжение связок. У пацанов это быстро проходит. Заживёт, как на собачатах.

Саша потихоньку скулил и кулаком вытирал на щеках слезы.

С переломом ноги Сашу Коробова увезли на «скорой помощи» в больницу.

Брылёв был вне себя от ярости. Он метался по сцене, пинал старые, расшатанные и отслужившие свой век стулья и ящики, из которых во время репетиции сооружали «баррикады». Размахивая руками, он чертыхался и настаивал, чтобы пьянчугу рабочего немедленно арестовали и отдали под суд.

– На пятнадцать суток его, мерзавца!.. Чистить общественные сортиры!..

Артисты не расходились. Все участники спектакля собрались на сцене. Никто не лез с советами. Брылёва боялись. Он был самым строгим из всех режиссёров, которые прошли через Дом культуры завода за тридцать с лишним лет работы драматического коллектива. Об этом говорили все ветераны сцены, пришедшие в драмкружок ещё юнцами, а теперь уже изрядно поседевшие.

Высокий, костистый, с растрёпанными, буйными волосами, в которых седина не просто проблескивала серебристой паутиной, а напоминала белые голубиные перья, брошенные в гудрон, Брылёв стоял посреди «баррикад» и, потрясая сжатым кулаком, костерил молодого рабочего, который, если бы было можно, готов был в эту минуту провалиться не только под сцену, но и в тартарары.

– Вон отсюда!.. Так и передайте директору – чтобы в Доме культуры не было больше вашей ноги!.. – Последние слова Брылёв уже бросал, как подхлёсты кнутом, в спину удаляющегося через полутёмный зал парня.

Все, кто находился на сцене, молчали. Жалко было Сашу Коробова, жалко было и паренька, рабочего сцены, который с особым усердием играл в спектакле красногвардейца в массовке.

Когда рабочий вышел из зала, Брылёв резко повернулся к притихшим «баррикадам»:

– Что же будем делать? Ведь через неделю первые прогоны, а через двадцать дней – генеральная. Премьеру планировали на Восьмое марта. Вы понимаете – я чуть ли не поклялся самому директору и Таранову, что к женскому дню мы подарим работницам завода новый спектакль!.. По цехам уже распределяют билеты… Вы только вдумайтесь: не просто раздают, а распределяют!.. На премьеру придут лучшие люди завода!.. И вдруг… Какой-то шалопай, мамай губастый, срывает все наши планы! Это же неслыханное безобразие!..

Артисты по-прежнему подавленно молчали. Все ждали решения Брылёва. А он, развевая длинными полами давно не утюженного пиджака, то принимался расхаживать по сцене, то, окаменев, смотрел в темноту пустынного зала, где на переднем ряду, в самой середине, сидел старик Пётр Егорович Каретников. Как ветерана завода (а туда он пришёл ещё до его последнего хозяина – Михельсона, когда заводом владели братья Гопперы) и как участника баррикадных боев на Остоженке Петра Егоровича пригласили быть консультантом спектакля. А когда при первой встрече Брылёв сказал старику, что его имя крупным шрифтом будет красоваться на афише, Петр Егорович разгладил свои жесткие усы, колко ухмыльнулся и ответил:

– Мы, товарищ режиссёр, революцию совершали без афиши. Защищали её тоже без реклам. Так что об этом у вас пусть душа не болит. Чем могу, тем помогу.

Слова эти были сказаны ещё в декабре, в кабинете заместителя секретаря парткома завода Таранова, который специально для этого разговора, по просьбе Брылёва,

пригласил Петра Егоровича Каретникова, проработавшего на заводе до почтенной старости и ушедшего четыре года назад на пенсию. За своим карусельным станком «Кинг» он простоял больше сорока лет. И вот теперь он, Петр Егорович Каретников, бывший командир десятки красногвардейцев, с боем бравший железобетонную вышку, что находилась на расстоянии прицельного винтовочного выстрела от Большого Каменного моста, тот самый Петр Каретников, который стрелял в юнкеров, засевших в Кремле и в сквере перед храмом Христа… сидит в холодном, пустом зале заводского Дома культуры, и перед глазами его – а память ещё светла – проходят живые картины боёв за Советскую власть.

На репетицию Пётр Егорович сегодня пришёл не один. С ним уже второй раз приходит его внучка Светлана, ученица седьмого класса.

Прижавшись коротко подстриженной головой к плечу деда и кутаясь в воротник зимнего пальтишка, из которого она давно уже выросла, Светлана смотрела на сцену и с ужасом ждала той минуты, когда Павлика Андреева смертельно ранят и как он в бреду будет звать Сашу Киреева… Но какая нелепая и досадная случайность!.. Репетиция оборвалась. Сашу Коробова увезли в больницу. Рассерженный режиссёр, прогнав рабочего, теперь принялся бранить актёров, которые, оказывается, тоже в чем-то виноваты, а сам нет-нет да и посматривал в сторону Светланы, точно опасаясь сказать такое, чего нельзя говорить при детях.

– Нет, это не просто накладка!.. Это провокация!.. Это диверсия!.. – не унимался Брылёв. Пытаясь прикурить трубку, он сломал несколько спичек, чем насторожил пожарника Дома культуры, который в массовке играл красногвардейца и несколько раз по ходу спектакля изображал «толпу».

Поймав на себе пристальный взгляд режиссёра, Светлана съёжилась и ещё плотнее прильнула к деду. А Брылёв, осенённый неожиданно пришедшей в голову мыслью, стоял на авансцене, рядом с суфлёрской будкой, и, вытянув вперёд шею, в упор смотрел на Светлану.

– Пётр Егорович, идея!.. – прогремел со сцены Брылёв.

– На идеях мир держится! – донёсся из зала бас.

– Что, если на Павлика попробуем вашу внучку?.. А, Пётр Егорович?..

По спине Светланы поползли мурашки. Дед круто посмотрел на неё сверху и улыбнулся в усы.

– Да она же девчонка, Корней Карпович.

– Ну и что?

– А играть-то нужно мальчишку… Да ещё какого мальчишку! Сорвиголова, огонь!..

– Всё это ерунда!.. Во всех, даже академических театрах, мальчишек отродясь играли девушки-травести. – Брылёв подошёл к самому краешку сцены и, наклонившись вперёд, выставил перед собой длинные руки, словно пытаясь дотянуться до Светланы. – Девочка, поднимитесь, пожалуйста, на сцену.

Светлана испуганно посмотрела на деда. Тот кивком головы и какой-то особой, будто благословляющей, улыбкой дал ей понять: «Попробуй… Не боги же горшки обжигают» – это была любимая пословица деда.

– Володя, помоги девочке подняться на сцену! Проводи её, пожалуйста!.. – попросил Брылёв.

Путинцев неподвижно сидел на дубовом бочонке из-под фикуса, в котором цветка уже давно не было, а земля так окаменела, что представляла собой нечто вроде застывшего грязного бетона… и с ужасом смотрел на затею режиссёра.

– Ну что ты застыл?! Ведь тебе же играть-то с ней!.. – негодовал Брылёв.

Владимир вскочил с бочонка и прыгнул со сцены в зал. Ссутулившись, он нерешительно подошел к Светлане. Так мальчишки-подростки подходят к двухлетним смешным карапузам: одновременно и умиляясь, и опасаясь какой-нибудь неловкостью или даже просто строгим выражением лица причинить малышу неприятность или отпугнуть его от себя.

Владимир протянул Светлане руку и, глядя в её большие, испуганные глаза, тихо и скорее растерянно, чем вежливо, сказал:

– Давайте вашу руку. Я вам помогу.

Светлана вцепилась в руку Владимира, поднялась на сцену и, ослеплённая светом яркой электрической лампы в суфлёрской будке, замерла на месте.

– Ну, проходите же, не бойтесь! – Брылёв осмотрел девочку с ног до головы и, когда Светлана подошла к нему, как взрослой, протянул ей руку. – Корней Карпович… Как вы уже знаете, ваш покорный слуга – режиссёр этой королевской заводской труппы. – Широкой отмашью руки он показал на всех, кто находился на сцене.

Растерявшаяся Светлана почти шёпотом пролепетала своё имя и смотрела на Брылёва так, словно ожидала, что в следующую минуту тот со вздохом сожаления скажет: «Нет, не то… Явно не то… Извини, девочка…»

Но режиссёр этого не сказал. Он только окинул взглядом сидящих на театральных «баррикадах» артистов и, лихо подмигнув сразу всей труппе, сказал:

– А что? По фактуре – в самый раз! И ростом, как наш Сашок. – И, повернувшись к Светлане, спросил: – Ведь вы, кажется, уже на второй репетиции у нас с дедом, и содержание пьесы вам известно?

«Вы»… Первый раз к Светлане обращались на «вы». И не кто-нибудь, а режиссёр Брылёв… Известный в стране актёр… И это неожиданное «вы» подавило Светлану, подняло в душе её такое смятение, что она, полураскрыв рот, растерянно смотрела на Брылева и ничего не могла ответить, пока тот не повторил свой вопрос.

– Да… Уже второй раз.

– Вначале порепетируем под суфлёра, а потом, если пойдёт, выучите роль и… с богом!..

Светлана повернулась лицом к пустынному залу и встретилась взглядом с дедом. Она ждала, что скажет он. А дед, по-прежнему улыбаясь всё той же ранее незнакомой ей благословляющей улыбкой, согласно кивнул головой.

Брылёв не стал дожидаться, что ответит Светлана. Достав из папки, лежавшей на тумбочке, фотографию, он показал её Светлане:

– Вот это и есть герой-красногвардеец Павлик Андреев.

С фотографии смотрел мальчик-подросток в рубашке-косоворотке. Было в лице его что-то такое, что откладывается нелёгкой жизнью и тяжким трудом, когда человек очень рано познает цену рабочей копейке. А внизу, под фотографией, стояла подпись:

«Павлик Андреев, подручный кузнеца, член заводского комитета Союза молодёжи «III Интернационал». Героически погиб в боях на Остоженке».

– А теперь… теперь я прочитаю вам один исторический документ об этом славном мальчонке, которого Люся Лисинова звала Васильком. Старики с бывшего Михельсона говорят, что у Павлика были синие-синие глаза, а когда он свистел, засунув в рот

пальцы, то его свист слышала вся Остоженка. – Разыскивая что-то в своей вытертой и видавшей виды папке, Брылёв машинально, словно между прочим, спросил: – Свистеть-то, как мальчишка, умеешь?

– Нет, – ещё больше робея, ответила Светлана.

– Научим, – подбодрил её Брылёв и, вскинув голову, взглядом отыскал Владимира Путинцева. Забравшись на самую верхотуру «баррикад», тот сидел на изодранном спортивном коне, с которого свисали клочья клеёнки. – Володя!.. Чтобы через две репетиции Светлана свистела так, как ты научил свистеть Сашу Коробова!..

– Будет сделано, Корней Карпович! – гулко прозвучал почти под самым потолком сцены голос Владимира.

Брылёв достал из папки листок, бережно положил его на свою широкую ладонь и откинул назад голову.

– Слушайте! Слушайте все!.. – И он грозным взглядом окинул участников спектакля. – Вам тоже не мешает лишний раз пропустить через сердце этот документ-реликвию. Света, слушайте, вот что писали о Павлике Андрееве красногвардейцы с завода Михельсона. – И Брылёв, время от времени бросая взгляд то на замерших артистов, то на Светлану, словно проверяя, внимательно ли его слушают и доходят ли до их сердец эти жгучие строки, начал читать: – «Многие рабочие знали смышлёного и проворного мальчугана, работавшего мальчиком на побегушках в кузнечном цехе. Павлик завоевал доверие большевиков, прятал от полиции революционные листовки. В отряде красногвардейцев Замоскворечья Павлик Андреев участвовал в баррикадных боях на Остоженке. Во время коротких передышек, когда красногвардейцы поочерёдно уходили в ближайшую чайную, где был перевязочный пункт и хранились боеприпасы и продовольствие, Павлик Андреев, перебегая вдоль окопа, с разных мест стрелял из винтовки в юнкеров. Создавалось полное впечатление, что в окопах и на баррикадах находится много красногвардейцев. Но однажды винтовка Павлика соскользнула за бруствер окопа. Мальчишка знал, что оружия у бойцов революции мало, и не задумываясь прыгнул через бруствер за винтовкой. Здесь его и настигла пулемётная очередь. Он был тяжело ранен.

Три дня юный герой боролся со смертью, почти всё время был без сознания и бредил. Очнувшись, он спросил:

– Добили юнкеров? Взяли штаб?

– Взяли, Паша, взяли. И Кремль захватили. Революция победила.

Павлик пытался улыбнуться, но не мог.

Через несколько минут его не стало».

Брылёв закончил читать, но продолжал стоять неподвижно, держа перед собой на вытянутой руке листок.

– Так всё это было, Пётр Егорович? – прозвучал в глубине сцены голос Брылёва.

– Так! – гулким эхом разнёсся по углам зала ответ Петра Егоровича.

Брылёв устало опустил руку с документом и, глядя в темноту кулис, словно разговаривая сам с собой, проговорил:

– Гроб с телом Павлика Андреева и гроб с телом Александра Киреева были поставлены в гранатном корпусе завода Михельсона, в том самом историческом гранатном корпусе, где в девятьсот восемнадцатом году не однажды выступал Ленин. Почётный караул у гроба Павлика Андреева и у гроба Александра Киреева несли рабочие-красногвардейцы завода. – Брылёв замолк и строгим взглядом окинул участников спектакля. – А десятого ноября павших героев Октябрьских боев

похоронили на Красной площади, у Кремлевской стены. Пётр Егорович, – снова зычный голос Брылёва полетел в пустынный зал, – вы были на этих похоронах?

– Был, – отозвалось в зале.

– Расскажите, пожалуйста, как всё это проходило. Для общего настроения спектакля нам необходимо представить это скорбное зрелище.

Пётр Егорович встал. Прямой, высокий, седой.

– Как вам сказать… Это было не зрелище! Это были похороны. Мы провожали в последний путь лучших людей, наших верных друзей и товарищей по борьбе. Они отдали свои жизни за дело рабочего класса. Московский Совет и Военно-революционный комитет похороны героев революции объявили гражданскими. Вся Москва хоронила. Был облачный, чуть морозный день. Мы, рабочие со всех заводов и фабрик, вместе с шеренгами солдат со всех концов города шли к Красной площади. Шли медленно, с непокрытыми головами. Гробы с погибшими везли на артиллерийских лафетах. Знамёна, знамёна, знамёна… И все с чёрной каймой. Впереди колонны, с винтовками, шли красногвардейцы нашего завода, из-за Москворечья шли сотни рабочих. Шли вместе с семьями. Тяжело было. Многие женщины, да и мужчины, не выдерживали, рыдали… От самого завода до Красной площади никто не надел шапки. Хор пел «Мы жертвою пали в борьбе роковой…». – Голос Петра Егоровича оборвался. – Мне трудно сейчас говорить об этом. Но… Всё это было… Всё было… На Красной площади колонны остановились. Гробы подняли на руки и понесли над головами к Кремлёвской стене. Между Спасскими и Никольскими воротами виднелись только что вырытые братские могилы. – Пётр Егорович снова замолк.

– А дальше? – тихо и словно виновато спросил Брылёв, понимая, что старику трудно вспоминать тяжёлый и скорбный день.

– Вся Красная площадь… пела… – Голос Петра Егоровича дрогнул.

– Что вы пели, Пётр Егорович? Не помните слова этой песни?

– Такое не забывается. – Несколько помолчав, старик распрямил плечи и, глядя куда-то поверх сцены, туда, откуда падает занавес, глухо, но твёрдо, словно бросая на сцену не слова, а тяжёлые булыжники о Красной площади, проговорил: – Мы пели такие слова:

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь – тяжёлый труд.
Но день настанет неизбежный,
Неумолимый грозный суд…

Всем, кто находился на бутафорских баррикадах, на какой-то миг вдруг показалось, что сцена стала ниже, чем ползала. Старый ветеран завода Михельсона, революционер-красногвардеец Пётр Егорович Каретников за какие-то минуты неизмеримо вырос в их глазах.

В зале и на сцене стало тихо. Так порой бывает, когда вдруг неожиданно останавливается киноаппарат и перед глазами зрителей некоторое время стоит один и тот же застывший кадр.

Всё, что прочитал режиссёр и что рассказал дедушка, Светлана слышала впервые. Теперь для не1 уже не было вопроса, играть ей Павлика Андреева или не играть.

Репетиция продолжалась…

Светлана отч1тливо и громко произносила фразы текста. Их подсказывала ей Серафима Цезаревна – подслеповатая суфл1рша в больших роговых очках. Е1 маленькое круглое личико всякий раз судорожно дергалось в сторону, где находился

исполнитель роли, которому предназначалась очередная реплика. Это была уже далеко не молодая, с морщинистым и нервным лицом женщина, работница заводской библиотеки. На завод она пришла в двадцатых годах, почти девочкой, которую при е1 малом росточке было еле видно из-за библиотечной стойки. Однажды, в тридцатые годы, – а этот вечер Серафима Цезаревна отч1тливо помнит и сейчас – е1 попросили посуфлировать репетицию спектакля «Платон Кречет». Симочке это понравилось, и с тех пор она не могла смириться с мыслью, что кто-нибудь другой, а не она, будет повергать в напряжение всех, кто находится на сцене ставшего для неё родным Дома культуры на Большой Серпуховской.

По резкому и повелительному взмаху руки Корнея Карповича Светлана, не страшась разбиться и наставить синяки на локти и коленки, стремительно плюхаясь с «винтовкой» в руках (винтовкой служил сломанный деревянный карниз) на грязный пол сцены и вызывая смех у «соратников по баррикадам», по ремарке пьесы, которую отчётливо произносила Серафима Цезаревна, старательно и глубоко засовывала в рот четыре пальца, чтобы «оглушить Остоженку свистом». Но как Светлана ни пыжилась и ни старалась, кроме шипения, у неё ничего не получалось. На помощь ей приходил Владимир Путинцев. Глядя на розовые пузыри щёк Светланы, на её утонувшие во рту пальцы и в её широко открытые глаза, которые, кроме испуга, ничего не выражали, он неожиданно резким и оглушительным свистом, от которого у всех, кто находился на сцене, звенело в ушах, заставлял вздрагивать Брылёва и сердито хмуриться Петра Егоровича.

…А когда репетиция окончилась и Светлана подошла к Корнею Карповичу, позвавшему её кивком головы, Петр Егорович по выражению лица режиссёра, по его улыбке понял, что игрой и старанием внучки Брылёв остался доволен.

– Ну вот, а ты боялась… Через две-три репетиции у тебя будет получаться не хуже, чем у самого Павлика Андреева в семнадцатом году. – Освободив плечи Светланы из тисков своих цепких пальцев, он повернулся в зал: – Как вы думаете, Пётр Егорович, ведь получается?

– Получается, – донеслось из зала, – только свистеть нужно самой да волосы как следует укоротить, а то смотришь и не понимаешь – слова мальчишечьи, а по сцене бегает девчонка.

– Всё это мелочи, Пётр Егорович!.. Когда зритель будет смотреть спектакль, сроду не догадается, что Павлика играет девчонка. Важно, чтобы вот здесь горело, – Брылёв поднес правую ладонь к левой стороне груди. – А в остальном положитесь на режиссёра…

…Уже поздно вечером Светлана и Пётр Егорович возвращались домой. Почти всю дорогу оба молчали.

Перед глазами деда вставала молодость. Бои на Остоженке, штурм Кремля, похороны погибших красногвардейцев… Внучка, полусмежив глаза, видела больничную палату, белые халаты врачей, бинты… На койке лежал умирающий Павлик Андреев. В лице его ни кровинки…

На следующий день Светлана, не спросив ни отца, ни мать, пошла в парикмахерскую и постриглась под мальчишку.

А через два дня соседи по лестничной площадке, дворничиха, а также жильцы дома и знакомые по двору, которые знали семью Каретниковых, разводили руками: что случилось с девочкой? Была такая тихоня, а тут вдруг ни с того ни с сего словно что приключилось. Идёт с сумкой в булочную или гастроном – засунув в рот четыре пальца,

надсадно свистит; поднимается по лестничной площадке – свистит; не успеет закрыть за собой дверь – из квартиры Каретниковых доносится пока ещё дребезжащий и неровный, но уже напористый и тревожный свист…

…Восьмого марта в Доме культуры завода состоялась премьера спектакля. Павлика Андреева играла Светлана Каретникова. Её фамилия в типографской афише стояла третьей. Набрана она была крупными буквами:

«С. КАРЕТНИКОВА».

А когда окончился спектакль и Светлану, растерявшуюся и не знающую, что делать дальше, почти вытолкали на сцену, и она один на один очутилась с грохочущим валом аплодисментов, несущихся из зала, и в лицо её брызнули яркие лучи световых вспышек лампы фотокорреспондента из заводской многотиражки, Светлана окончательно растерялась. Она видела только мелькание рук над рядами кресел, слышала прибойно накатывающиеся на сцену возгласы: «Браво!.. Браво!..»

Потом – это она успела заметить – к ногам её упал маленький букетик фиалок.

Первые аплодисменты… Первые цветы в жизни…

До глубокой ночи Светлана металась в бессоннице. Словно в забытьи, перепутав, где явь, а где игра её воображения, она шептала:

– Добили юнкеров?.. Штаб взяли?..

Публикуется по: Лазутин И. Родник пробивает камни. – М. : Современник, 1988.